

Ветрова Э. С. Эмотивная семантика междометных высказываний с компонентом *Бог / Аллах* в речи украинцев и лезгин / Э. С. Ветрова // Научный диалог. — 2015. — № 12 (48). — С. 38—48.

УДК 81*367.628:81*373.47[811.161.2+811.351.32]

Эмотивная семантика междометных высказываний с компонентом *Бог / Аллах* в речи украинцев и лезгин

© **Ветрова Эльвира Сабировна (2015)**, кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры украинской филологии факультета славянской филологии и журналистики, Таврическая академия, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия), vetrova-75@ukr.net.

Рассматривается эмотивная семантика междометий с компонентом *Бог / Аллах* в речи украинцев и лезгин. Доказано, что данные высказывания являются носителями важной этнокультурной информации, отражая монотеистические представления обоих народов о Боге как о высшей силе, недостижимой и недосягаемой, которая либо помогает человеку, либо жестоко карает его за грехи. Акцентируется внимание на том, что в древности междометные высказывания с компонентом *Бог / Аллах* представляли собой ритуально-магические формулы-обращения к Всевышнему с просьбой о помощи и ниспослании милости, а также благодарностью и восхвалением. С развитием общества и языка данные фразы подверглись семантическим трансформациям, в результате чего многие из них утратили сакральную семантику и перешли в разряд повседневных высказываний, выражающих различные эмоционально-оценочные реакции на ту или иную ситуацию общения. Как свидетельствуют результаты исследования, в украинском и лезгинском языках в рамках религиозного общения междометия с компонентом *Бог / Аллах* выражают схожие эмоциональные состояния и оценки. В повседневно-бытовом общении в лексическом значении данных языковых единиц наблюдается наличие сем этнокультурного характера, что обусловлено особенностями национального мышления и мировосприятия.

Ключевые слова: антропоцентризм; эмотивная семантика; междометные высказывания с компонентом *Бог / Аллах*; магическая функция; украинцы; лезгины.

1. Вводные замечания

Современный этап развития языкознания характеризуется пристальным вниманием ученых к антропоцентрическим исследованиям, объектом которых является человек как создатель, носитель и пользователь языка, играющий главную роль в анализе тех или иных языковых явлений. Сегодня антропоцентрический подход к решению языковых проблем справедливо считается приоритетным научным направлением в мировой лингвистике: «Язык создан по мерке человека и этот масштаб запечатлен в самой организации языка; в соответствии с ним язык и должен изучаться. Поэтому лингвистика всегда будет наукой о языке в человеке и о человеке в языке, наукой гуманитарной...» [Степанов, 1995, с. 15]. Данное утверждение позволяет сделать вывод о том, что в современной

научной мысли как никогда актуально высказывание В. Гумбольдта: «Человек думает, чувствует и живет только в языке» [Гумбольдт, 1985, с. 378].

Одним из ярких проявлений языкового антропоцентризма является категория эмотивности, под которой традиционно понимают «имманентно присущее языку семантическое свойство выражать системой своих средств эмоциональность как факт психики, отраженные в семантике языковых единиц социальные и индивидуальные эмоции» [Шаховский, 1987, с. 24]. Эмотивность речи издавна привлекала внимание ученых. Однако практически до середины XX века данная тема в языкознании считалась не востребовавшейся. Так, по мнению известного американского лингвиста Э. Сепира, эмоции не должны быть объектом лингвистического исследования, поскольку «образование *идеи* для языка имеет большее значение, чем проявление воли и эмоции» [Sapir, 1921]. Фундаментальный подход к изучению проблемы вербализации эмоциональных состояний сформировался лишь в конце XX века благодаря трудам швейцарского лингвиста Ш. Балли, который одним из первых провозгласил приоритет аффективного в языке [Балли, 1961]. Сегодня эмотивность речевых единиц находится в центре научных поисков представителей разных лингвистических направлений (работы Ю. Д. Апресяна, В. И. Шаховского, Н. Д. Арутюновой, А. Вежбицкой, В. Н. Телия, Е. М. Галкиной-Федорук, Л. Б. Никитиной и др.). Однако, несмотря на повышенный интерес ученых к данной области исследований, она до сих пор остается одной из наиболее сложных и дискуссионных. Так, вопросы о том, где зарождается эмоция — в самом языке или сознании говорящего, одинаково ли отражаются эмоциональные состояния в разных языках, сегодня изучены недостаточно, что определяет актуальность темы исследования. Цель предложенной статьи — сопоставительный анализ эмотивного содержания междометных высказываний с компонентом *Бог / Аллах* в речевом общении украинцев и лезгин.

2. Междометия с компонентом *Бог / Аллах* как средства трансляции чувств, эмоций и волеизъявлений говорящего

С древних времен, попадая в сложные жизненные ситуации, человек выражал свои чувства и переживания, обращаясь к Богу / Аллаху. Общение человека с Всевышним обслуживали ритуально-магические вербальные формулы, которые содержали просьбу о помощи и ниспослании милости либо выражали благодарность и восхваление. С развитием общества и языка такие обращения подверглись семантическим трансформациям, в результате чего многие из них утратили сакральную семантику и перешли в разряд повседневных высказываний, выражающих различные эмоционально-оценочные реакции на ту или иную ситуацию общения. Украинские и лезгинские междометия с компонентом *Бог / Аллах* часто используются в речевой практике как ритуального, так и повседневно-бытового общения. Они отличаются богатством эмотивной

семантики и в зависимости от коммуникативных условий могут выражать различные чувства, переживания, оценки. Большинство рассматриваемых в данной работе высказываний выражают общие для украинцев и лезгин эмоции и волеизъявления, о чем свидетельствуют обнаруженные в результате анализа соответствия. При этом следует отметить, что о полной тождественности значений тех или иных фраз в сопоставляемых языках речь, конечно же, не идет. Ученые отмечают: «Все расхождения языков и культур выявляются при их сопоставлении. Однако на уровне языковой картины мира эти различия не видны, и слова разных языков выглядят обманчиво эквивалентными» [Тер-Минасова, 2000, с. 35], таким образом, «мы часто приписываем несуществующую универсальность понятиям, которые обладают достаточно ощутимыми культурными различиями» [Вежбицкая, 1999].

3. Эмотивный потенциал междометий с компонентом *Бог / Аллах* в речевом общении украинцев и лезгин: общее и этнокультурное

Междометия с компонентом *Аллах* являются неотъемлемой частью коммуникативного поведения лезгин. Данный факт свидетельствует о том, что вера в Аллаха как Создателя всего сущего играет приоритетную роль в формировании лезгинского национального сознания. Имя *Аллах* имеет арабские корни. Оно образовано в результате сочетания определённого артикля *аль-* ‘этот’ и лексемы *Илах* ‘Тот, Кому поклоняются’, ‘Достойный поклонения’, то есть ‘Бог’. Таким образом, в дословном переводе с арабского языка *Аль-Илах* означает ‘этот Бог’, ‘единый, единственный Бог’. Это дает основания утверждать, что слово *Аллах* по сравнению со словом *Бог* имеет более глубокую семантику, указывая на *Единство и Единственность Всевышнего*, являющегося в сознании мусульман единоличным создателем мира: «Он — Аллах — единый, Аллах Самодостаточный; Он не родил и не был рожден, и нет никого, равного Ему» [Коран, Сура «Очищение (веры)», 112: 1-4]. В лезгинском языке величие Аллаха запечатлено во многих речевых формулах, хорошо известных всем мусульманам. Наиболее распространенным является восклицание *Инишаллаь!* (*Иниа + Аллах*), которое в переводе с арабского языка означает: ‘если будет угодно Аллаху’ [ЛРС, с. 86]. Данное молитвенное ритуальное высказывание лезгин, как и все мусульмане, используют в знак смирения перед волей Всевышнего. Выражение восходит к Корану, где в Суре «Аль-Кахф» (18: 23-24) написано: «И никогда не говори: “Я сделаю это завтра”, (не добавив) “Если только этого не пожелает Аллах!”». Исламский богослов VII века Ибн Аббас отмечал, что мусульманин должен произносить данную фразу, когда речь идет о каких-либо планах и событиях в будущем, ведь упоминание о воле Аллаха облегчает человеку выполнение задуманного, помогает ему получить благословение Всевышнего. В повседневном общении лезгин восклицание *Инишаллаь!* является маркером будущего времени: *Адаз зи патайни саламар це.* — *Инишаллаь* ‘Ему и от меня передай привет. — Хорошо’ (в значении: ‘Передам,

если на то будет воля Аллаха») [ЛРС, с. 86]. В современном лезгинском языке слово **Иниаллагь!** означает также вежливый, тактичный отказ выполнить какую-либо просьбу или ответить на неудобный вопрос. Лезгины считают неприемлемым прямо отказать собеседнику, поэтому вместо категоричного *нет* они используют ответ **Иниаллагь!**, который означает: ‘То, о чём вы просите (или спрашиваете), невозможно, если только не вмешается Всевышний’.

В украинском языке функционируют близкие по значению высказывания: **Дасть Бог; [Як] Бог даст; Як дасть [пошле] Господь [милосердний]**, которые в общении верующих означают смирение перед волей Всевышнего. В разговорной практике данные фразы являются индикаторами будущего времени, выражая надежду на реализацию задуманного либо благополучное завершение начатого дела [ВТССУМ, т. 2, с. 142]: **Дасть Бог, вродить хліб, то й заплатимо [подушне]** (І. Нечуй-Левицький); **Як дасть Господь милосердний, приїду сам на Січ; Бог дасть, виростуть дітки** (Т. Шевченко). Украинское междометие **Бог дасть!** в определенном контексте может употребляться в качестве отказа, адресованного тому, кто просит о чем-либо материальном: **Так Ви дасте мені грошей? — Бог дасть** (то есть ‘нет’). Высказывание со схожей семантикой зафиксировано и в лезгинском языке: **Аллагьди вичи гудайбурукай хьуй!** ‘Бог пошлет!’ (букв. ‘Аллах сам пусть дает’): **Чав пуд болт гва, кьуд лагьайди Аллагьди вичи гудайбурукай хьуй. Гьилер?** ‘У нас только три болта, четвертый пусть вам Бог пошлет. По рукам?’ (А. Саидов).

Арабские корни в лезгинском языке имеет выражение **Машаллагь!** ‘так захотел Аллах’, ‘на то была воля Аллаха’, используемое мусульманами как знак изумления, радости, хвалы, благодарности Аллаху и смиренного признания того, что всё происходит по Его воле. Можно предположить, что данное высказывание восходит к Корану, в частности, к Суре «Аль-Кахф» (18: 39), где сказано: «Почему, войдя в сад, ты не сказал: “Так пожелал Аллах! Нет мощи, кроме как от Аллаха!”». Слово **Машаллагь!** в повседневной речи лезгин обычно произносится сразу после получения хороших новостей как выражение радости, одобрения при комментировании каких-либо событий или обсуждении кого-либо. По смыслу оно равнозначно междометиям: **Вот так!; Прекрасно!; Bravo!; Молодец!** [ЛРС, с. 149]. Кроме того, в разговорной речи восклицание **Машаллагь!** часто используется как вербальный оберег от зависти и слеза, когда говорящий восхищается собеседником либо одобряет его поступок (например, после комплиментов в адрес ребенка): **Куьн аялар гьикьван гуьрчегьур я, машаллагь!** ‘Какие у Вас красивые дети!’; **Машаллагь! Вуч гуьрчег затІ я!** ‘Какая прелесть!’ (разг.).

В украинском религиозном дискурсе восклицанию **Машаллагь!** соответствует выражение **На все воля Божя [Господня]!**, отражающее веру в божественное провидение. Можем предположить, что данное междометие восходит к Библии, где в Евангелии от Иоанна (15: 5) написано, что Господь однажды сказал: «Без Меня не можете делать ничего». Это означает, что у каждого чело-

века есть много желаний и планов, однако все на земле происходит по Божьему Промыслу, поэтому свершится только то, что определил, решил Бог. В бытовом общении украинцев фраза **На все воля божя [господня]!** имеет отличное от лезгинского слова **Машиллагь!** значение, выражая смирение, согласие, утешение: **На те воля божя, моя любко, — кажу я** (Марко Вовчок).

В лезгинском языке религиозные корни имеет выражение: **Аллагьдиз шукур хьурай!** ‘Слава (хвала) Аллаху!’. В одном из хадисов написано: «Пророк (мир ему и благословение) говорит нам: “Есть два слова, которые любит Милостивый, они легки для языка, но тяжелы на Весах: “Слава Аллаху и хвала Ему, слава Аллаху Великому!”» [Аль-Бухари, 2003]. В повседневном общении лезгин эта фраза используется для выражения одобрения, чувства глубокого удовлетворения от происходящего: **Аллагьдиз шукур хьурай! Лезгийри чтин адетар хьсан хвена** ‘Слава Аллаху! Лезгины хорошо сохранили свои обычаи’ (из газеты).

В украинской культуре носителями схожей семантики являются фразы: **Слава Богу!; Слава тобі Боже [Господи]!**, которые также имеют религиозное происхождение. В Библии написано: *Ибо все из Него, Им и к Нему. Ему слава во веки, аминь* [Римлянам, 11: 36]; *Единому Премудрому Богу, через Иисуса Христа, слава во веки. Аминь* [Римлянам, 16: 27] и др. В устах верующих данные выражения означают искреннее почитание и благодарение Бога: только Бог достоин похвалы и прославления за все добро, от Него исходящее. В современном украинском языке фразы: **Слава Богу! [Господові]; Слава тобі, Боже [Господи]!** используются в различных коммуникативных ситуациях с частичной или полной утратой первоначального сакрального содержания. Так, ритуально-магический характер эти высказывания частично сохраняют тогда, когда употребляются в роли вербального оберега, равнозначного по семантике ритуалу постукивания по дереву или символическому плевание через плечо, «чтоб не сглазить». Несмотря на то, что в таких случаях данные фразы зачастую произносятся неосознанно, они так или иначе имеют целеустановочную мотивацию, продиктованную подсознательной потребностью говорящего оградить себя от внешнего негатива.

Активное использование выражений: **Слава Богу [Господові]!; Слава тобі, Боже [Господи]!** в разговорной речи в качестве эмоциональных реакций на ситуацию привело к утрате их сакральной семантики. Сегодня они чрезвычайно востребованы в бытовом общении для выражения различных эмоций и оценок: а) удовлетворения от реализации чего-то долго ожидаемого: *Пройшов і піст, відговілись і — слава тобі господи! — дождались воскресенія* (Квітка-Основ'яненко); б) подтверждения того, что все благополучно: *Я радію: — Слава господові, що і в нас, як і в людей, благодатно!* (Марко Вовчок) и др.

Неотъемлемой частью речевого общения лезгин является междометие **Бисмиллагь!** ‘во имя Аллаха!’, ‘с Богом!’ [ЛРС, с. 29]. С этим религиозным восклицанием верующие приступают к еде или другому важному делу. В Коране с высказывания **Бисмиллагь!** начинаются все сурь, кроме девятой. По

мнению мусульман, его следует произносить с чувством любви, поклонения и восхищения перед мощью, славой и милосердием Аллаха. В повседневном общении лезгин слово **Бисмиллагь!** сохраняет религиозную семантику, употребляясь как доброе пожелание перед каким-либо важным делом, в частности перед трапезой: **Бисмиллагьи рагым [бисмиллагьи рагьмани рагым]!** ‘Во имя Аллаха Милостивого и Милосердного!’ [ТСЛЯ, с. 118]. В украинском языке используется близкое по семантике высказывание — **З Богом!**, первоначальное значение которого также имеет религиозный характер: по мнению христиан, только с верой в Бога человек может достичь счастья. В повседневном общении украинцев данное междометие употребляется в качестве пожелания успеха в каких-либо начинаниях: **З богом, Парасю, коли люди трапляються!** — *обізвався Балабуха* (І. Нечуй-Левицький).

Лезгинское междометие **Алла!** этимологически связано с именем Аллаха. В прошлом оно являлось сакральным обращением к Всевышнему с какой-либо просьбой — ‘О, Боже!’. В современном лезгинском языке выражение утратило первоначальную семантику и используется как возглас, выражающий удивление или возмущение недостойным поведением человека — ‘э-э!’, ‘эге-е!’ [ЛРС, с. 13]: **Алла, ваз гыкьван лугьуда!** ‘Э-э! Сколько тебе говорить!’, **Алла, ви надинжвал вуча!** ‘О Боже! Что ты такой балованный?’ (разг.). В украинском языке близкими по значению высказываниями являются: **О Боже! [Господи!]; Господи милосердний!**, которые также изначально представляли собой ритуально-магические обращения к Богу. Сегодня они обладают богатой эмотивной семантикой и в зависимости от контекста могут выражать различные чувства говорящего: радость, мольбу, отчаяние, надежду, страдание, удивление, восхищение и др.: **Господи милосердний! Дай мойй дочечці доброго чоловіка** (Г. Квітка-Основ’яненко) — мольба; **Ой, Боже мій! Такої муки я ще не терпіла!** (Леся Українка) — страдание; **О Боже, яка краса!** (разг.) — восхищение и т. д.

Слово **Яллагь!** в лезгинском языке образовано в результате сращения частицы *я*, употребляемой при обращении к собеседнику, и имени *Аллагь*. Первоначальный смысл данной фразы — обращение к Аллаху с просьбой или благодарностью. В современном лезгинском языке она функционирует как благословение, пожелание удачи, побуждение к действию: ‘С богом!’, ‘Начали!’, ‘Пошли!’ [Нагиев и др., 2003]. Кроме того, как свидетельствуют лексикографические источники, слово **Яллагь!** (**Я Аллагь**) часто используется в пожеланиях зла для большего эмоционального воздействия на собеседника и достижения желаемого результата: **Ам яратмиш авур касди Вич, я Аллагь, лал авурай!** ‘Дай Аллах, чтоб онемел тот человек, который это натворил!’ [ТСЛЯ, с. 1071]. В украинском языке близкими по значению высказываниями являются: **З богом!; Дай боже!**, употребляющиеся в качестве приветствий, добрых напутствий и пожеланий удачи перед началом какой-либо деятельности: **Дай боже вам вечір добрий!** (Г. Квітка-Основ’яненко).

Высказывания, апеллирующие к Богу / Аллаху, в обоих языках используются и в ситуации клятвы. Современное сознание лезгин и украинцев вос-

принимает клятву как обычный словесный акт, служащий для уверения собеседника в правдивости слов. Однако в далеком прошлом клятва представляла собой ритуально-магическое действие, подкрепляемое упоминанием чего-либо, кого-либо священного, дорогого для того, кто обещает, уверяет. В христианстве и исламе отношение к клятвам приблизительно одинаково. В Исламе клятва является священным актом, поэтому произносить ее без веской причины нежелательно. Но бывают ситуации, когда сделать это просто необходимо. В таких случаях, по предписаниям Корана, мусульманин должен клясться только именем Аллаха или Его качествами. В одном из хадисов написано: «Посланник Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует, сказал: “Тот, кто хочет клясться, то пусть клянется Аллахом или молчит”» [аль-Бухари, 2003]. Клятва ксям-то или чем-то помимо Аллаха запрещено, поскольку тем самым человек приравнивает предмет или объект клятвы Аллаху и совершает “ширк” (*ширк* — вера в многобожие, то есть тяжкий грех). Клятва в исламе выполняет двойную функцию: «Любая клятва приносится для того, чтобы возвеличить того, кем клянутся, и подтвердить правдивость того, в чем клянутся» [Коран, Сура «Аль-Бакара», 2: 224].

В лезгинском языке ситуацию клятвы обслуживают выражения *Валлагь!*; *Биллагь!*; *Валлагь-биллагь!* ‘ей-богу!’, ‘клянусь богом!’ [ЛРС, с. 33]; *Аллагь-дин калам къалумрай!*; *Аллагь къалум хъурай!* ‘клянусь Аллахом!’ [ТСЛЯ, с. 53], которые отражают отношение мусульман к Аллаху как к самому дорогому и ценному, что есть в их жизни. С течением времени религиозное содержание данных слов постепенно стерлось. В повседневном общении лезгин они все чаще используются с целью убеждения, заверения собеседника в своей правоте: *Аллагьди къуд калам заз къалумрай!* (букв. ‘Будь я проклят Богом!’ или ‘Да будут для меня последними четыре слова Аллаху!’). В украинском языке для подтверждения истинности сказанного используются выражения: *Йй-Богу!*; *Клянусь Богом [у якого вірую]!* Объяснение их происхождения находим в Библии: «Господа, Бога твоего, бойся и Ему одному служи, и к Нему прилепись и Его именем клянись» (Второзаконие, 10: 20). Клятва в христианстве, как и в исламе, священна, к ее произношению следует подходить с особой ответственностью. В Библии написано: «Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно, ибо Господь не оставит без наказания того, кто произносит имя Его напрасно» (Исход, 20: 7). Таким образом, принося клятву, человек обращается только к Богу как к высшему свидетелю произнесенных слов и гаранту клятв и обещаний. В повседневном общении украинцев для подтверждения чего-либо, уверения в чем-то используется междометие *йй-богу!* (*йй-бо!*), происхождение которого окончательно не выяснено. В «Словаре української мови» Б. Гринченко оно рассматривается как равнозначное по смыслу междометию *сй-Богу!* [СУМ, т. 2, с. 197]. В «Полном словаре церковнославянского языка» протоиерея Г. Дьяченко частица *ей* объясняется как «слово для подтверждения истины, вместо божбы употреблять дозволенное» [ПЦСС, с. 171]. В древнерусских рукописях

оно встречается как эквивалент слову *да* в повседневной беседе. В современном общении украинцев клятвенные заверения — выразительный коммуникативный прием, который эффективно воздействует на слушателя, избавляя его от сомнений, побуждая лишний раз задуматься над словами собеседника: *Ходім, кажу, а то покину! Йй-богу, покину!* (Панас Мирный).

Древние представления христиан и мусульман о защищающей функции Бога / Аллаха отражают фразы: лезг. *Аллагъди яргъазрай!* ‘Пусть Аллах держит подальше’; укр. *Не дай [не приведи, крий, боронь] Боже!; Нехай [хай] Бог [Господь] боронить [милує]!* Первоначально данные фразы выступали в качестве молитвы, живого обращения к Всевышнему с просьбой не допустить каких-либо нежелательных последствий. В современном общении украинцев и лезгин их используют для выражения морального потрясения, категоричного несогласия, отрицания, отказа в сочетании с неодобрением, возмущением, а также предупреждения о негативных последствиях, призыва не совершать какое-либо действие: лезг. *Ибурухъ вуч хъанватIа?! Къенва жал?! Аллагъди яргъазрай!* ‘Что с ними?! Неужели умерли?! Не дай Аллах!’ (А. Саидов) — потрясение; укр. *Повернутись до нього [сонця] спиною — крий боже! Яка невдячність* (М. Коцюбинський) — сообщение о неприемлемости действия возмущение. Лезгинское выражение *Аллагъди вичи хуьй!* ‘Храни тебя Аллах!’ используется как доброе, напутственное пожелание.

Представления лезгин об исключительных возможностях Аллаха отражает междометие *Аллагъдиз чида!* ‘Аллах знает’, имеющее религиозные корни. В Коране написано, что одно из имен Аллаха — аль-Алим ‘Всезнающий’. Это означает, что Аллах обладает совершенным знанием, которому не предшествовало невежество и которое не сменится забывчивостью. Пророк Муса сказал: «Об этом ведает мой Господь, и это записано в писании. Мой Господь не ошибается и не предаст забвению» [Сура «Та Ха», 20: 52]. Похожие представления о Боге имеют и христиане, что подтверждает выражение *Бог його знає!* Корни данного высказывания восходят к Библии, где сказано: «Одно из имен Бога — Всевидящий: Господь, — престол Его на небесах, очи Его зрят, вежды его испытывают сынов человеческих. Бог все видит и все знает» [Псалом 10: 4]. В современном общении украинцев и лезгин данные фразы используются для выражения неуверенности в чем-либо: укр. *І бог його знає, що то за присьмність мордувати таку бідну та нешкідливу пташину* ‘И бог знает, что это за удовольствие мучить такую бедную и безвредную птицу’ (І. Франко); лезг. *Рекъе чун гъикъван вахт жеда? — Аллагъдиз чида!* ‘Сколько времени мы будем в пути? — Бог его знает!’ (разг.).

Семантическое сходство в исследуемых языках имеют фразы: лезг. *Аллагъ патал хуьй!* ‘Ради Бога’ (букв. ‘Пусть Аллах будет сбоку!’) — укр. *Ради [заради] Бога [всіх святих]!* Первоначальная семантика данных фраз — ‘обращение к собеседнику с просьбой сделать что-либо для кого-то, но во имя Бога (из любви к Нему)’. В современном украинском и лезгинском языках данные фразы используются в схожих ситуациях общения, в частности при выражении убедитель-

тельной просьбы, мольбы: укр. *Ради бога, Аркадію, не говори таких слів...* (М. Стельмах); лезг. *Аллагь патал хьуй, идан гьилиз килиг* ‘Ради Бога, посмотри на его руку’ (А. Саидов). Вместе с тем в семантике данных высказываний присутствуют и семы этнокультурного характера. Так, в украинском языке фраза *Ради бога!* может иметь значение: ‘то, о чем Вы просите, не представляет проблемы’: *Чи можна мені зупинитися у Вас на кілька днів? – Та ради бога!* (разг.). ‘Можно мне остановиться у Вас на несколько дней? — Да ради бога!’.

Верующие люди всегда боялись божьей кары, поэтому в вопросах справедливости они обращались к Богу, будучи уверенными в том, что от его взгляда не укроется ничто. Веру мусульман в карающую силу Всевышнего, который может не только помогать людям, но и наказывать их за прегрешения, отражает высказывание *Аллагьдикай кичле хьухь!* ‘Бойся Аллаха!’. Хадисы сообщают о том, что Посланник Аллаха однажды сказал: «Бойся Аллаха, где бы ты ни был, и пусть за каждым твоим плохим поступком следует хороший, который загладит предыдущий, и относись хорошо к людям!» [аль-Бухари, 2003]. В украинском языке страх перед Создателем отражает междометие *Бій(-те)ся [побій(-те)ся] Бога!*, ключ к происхождению которого находим в Библии: «Выслушаем сущность всего: бойся Бога и заповеди Его соблюдай, потому что в этом все для человека; ибо всякое дело Бог приведет на суд и все тайное, хорошо ли оно, или худо» [Екклесиаст 12: 13-14]. В повседневном общении украинцев и лезгин фразы: *Аллагьдикай кичле хьухь!; Бій(-те)ся [побій(-те)ся] бога!* используются в качестве предостережения человеку, который совершает недостойный поступок или говорит неправду.

4. Выводы

Таким образом, междометия с компонентом *Бог / Аллах* являются ярким отражением древних представлений украинцев и лезгин о Боге как о высшей силе, недостижимой и недостигаемой для человека, которая может либо помочь в трудную минуту, либо жестоко покарать за грехи. С течением времени данные формулы утратили магическое содержание и перешли в разряд эмоциональных сигналов о чувствах и переживаниях говорящего в рамках бытового общения. Вместе с тем в религиозном дискурсе сакральная семантика этих выражений сохраняется. Следует отметить, что в украинском и лезгинском языках большинство междометий с компонентом *Бог / Аллах* в рамках религиозного общения выражают схожие эмоциональные состояния, что является следствием общности некоторых монотеистических воззрений украинцев и лезгин. Однако в повседневно-бытовом общении в семантике данных языковых единиц наблюдается наличие сем этнокультурного характера, что подтверждает факт национальной специфичности языковой картины мира.

Источники и принятые сокращения

1. ВТССУМ — *Великий* глумачний словник сучасної української мови / уклад. і гол. ред. В. Т. Бусел. — Київ ; Ірпінь : Перун, 2003. — 1440 с.

2. ЛРС — *Лезгинско-русский словарь* / сост. М. М. Гаджиев, Б. Б. Талибов ; под ред. Р. Гайдарова. — Москва : Советская энциклопедия, 1966. — 604 с.
3. ПЦСС — *Полный церковно-славянский словарь* / сост. Г. Дьяченко. — Москва : Издательский отдел Московского Патриархата, 1993. — 1158 с.
4. СУМ — *Словарь української мови* / упор. з дод. влас. матеріалу Б. Грінченко : в 4-х т. — Київ : Вид-во Академії наук Української РСР, 1958. — Т. 1—4.
5. ТСЛЯ — *Толковый словарь лезгинского языка* / сост. А. Г. Гюльмагомедов. — Москва : ИПЦ ДГУ, 2004. — 472 с.

Литература

1. *аль-Бухари М. Мухтасар «Сахих»* (сборник хадисов) / М. аль-Бухари ; пер. с араб. В. А. Нирша. — Москва : Умма, 2003. — 867 с.
2. *Балли Ш. Французская стилистика* / Ш. Балли. — Москва : Иностранная литература, 1961. — 365 с.
3. *Библия* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://www.bibleonline.ru>.
4. *Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков* / А. Вежбицкая. — Москва : Языки русской культуры, 1999. — 780 с.
5. *Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры* / В. Гумбольдт. — Москва : Прогресс, 1985. — 451 с.
6. *Коран* / смысловой перевод и комментарии Э. Р. Кулиева. — Москва : Умма, 2003. — 680 с.
7. *Нагиев Ф. О лезгинском пантеоне богов* / Ф. Нагиев, Р. Нагиев // *Лезги газет*. — 2003. — 9 окт.
8. *Сергеева Е. В. Бог и человек в русском религиозно-философском дискурсе* : монография / Е. В. Сергеева. — Москва : Директ-Медиа, 2013. — 250 с.
9. *Степанов Ю. С. Изменчивый «образ языка» в науке XX века* / Ю. С. Степанов // *Язык и наука конца XX века : сборник научных статей* / под ред. акад. Ю. С. Степанова. — Москва : Ин-т языкознания РАН, 1995. — С. 7—34.
10. *Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация* / С. Г. Тер-Минасова. — Москва : Слово, 2000. — 624 с.
11. *Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе русского языка* / В. И. Шаховский. — Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1987. — 188 с.
12. *Sapir E. Language : An introduction to the study of speech* / E. Sapir. — New York : Harcourt, Brace and company, 1921. — 284 p.

Emotive Semantics of Interjection Utterances with *God / Allah* Components in Speech of Ukrainians and Lezgians

© **Vetrova Elvira Sabirovna (2015)**, PhD in Philology, associate professor, Doctoral degree seeker, Department of Ukrainian Philology, Faculty of Slavic Philology and Journalism, V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia), vetrova-75@ukr.net.

The emotive semantics of interjections with *God / Allah* components of in the speech of Ukrainians and Lezgians is considered. It is proved that these utterances contain the important ethnic and cultural information, reflecting the monotheistic views of both peoples on God as a higher power, unreachable and unattainable, which either helps a person, or cruelly punishes him for his sins. The attention is

focused on the fact that in ancient times interjection utterances with *God / Allah* components were ritual magic formula-appeals to God with a request for help and sending grace or with gratitude and praise. With the development of society and language these phrases have undergone semantic transformations, resulting in many of them lost their sacral semantics and moved into the category of everyday sayings, expressing different emotional and evaluative reactions to a particular situation of communication. As evidenced by the results of the study in Ukrainian and Lezghian within the religious communication the interjections with *God / Allah* components express similar emotional states and appraisals. In everyday conversation in the lexical meaning of these language units the presence of the semes of ethno-cultural nature is observed due to the peculiarities of national mentality and world perception.

Key words: anthropocentrism; emotive semantics; interjection utterances with *God / Allah* components; magic function; the Ukrainians; the Lezghians.

References

- al'-Bukhari, M. 2003. *Mukhtasar «Sakhikh» (sbornik khadisov)*. Moskva: Umma. 867. (In Russ.).
- Balli, Sh. 1961. *Frantsuzskaya stilistika*. Moskva: Inostrannaya literatura. 365. (In Russ.).
- Bibliya*. Available at: <https://www.bibleonline.ru>. (In Russ.).
- Gumboldt, V. fon. 1985. *Yazyk i filozofiya kultury*. Moskva: Progress. 451. (In Russ.).
- Koran / smyslovoy perevod i kommentarii* E. R. Kuliyeva. 2003. Moskva: Umma. 680. (In Russ.).
- Nagiev, F., Nagiev, R. 2003. O lezginском panteone bogov. *Lezgi gazet*, 9 okt. (In Russ.).
- Sapir, E. 1921. *Language: An introduction to the study of speech*. New York: Harcourt, Brace and company. 284.
- Sergeeva, E. V. 2013. *Bog i chelovek v rusском religiozno-filozofskom diskurse: monografiya*. Moskva: Direkt-Media. 250. (In Russ.).
- Shakhovskiy, V. I. 1987. *Kategorizatsiya emotsiy v leksiko-semanticheskoy sisteme rusского yazyka*. Voronezh: Izd-vo Voronezh. un-ta. 188. (In Russ.).
- Stepanov, Yu. S. 1995. Izmenchivyy «obraz yazyka» v nauke XX veka. In: Stepanov, Yu. S. (ed.). *Yazyk i nauka kontsa XX veka: sbornik nauchnykh statey*. Moskva: In-t yazykoznavaniya RAN. 7—34. (In Russ.).
- Ter-Minasova, S. G. 2000. *Yazyk i mezhkulturnaya kommunikatsiya*. Moskva: Slovo. 624. (In Russ.).
- Vezhbitskaya, A. 1999. *Semanticheskoye universalii i opisaniye yazykov*. Moskva: Yazyki rusской kultury. 780. (In Russ.).